

УДК 101.1:316

Транснациональная публичная сфера: эффекты глобализации

Семенов Евгений Евгеньевич

Кандидат политических наук,
доцент,

кафедра философии, социологии и теории социальной коммуникации,
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а;
e-mail: k762@mail.ru

Аннотация

Глобальное измерение нового мира существенно модифицирует все виды политической и гражданской активности, структуры социального взаимодействия, повседневную жизнь людей. В кругу дискутируемых социально-философских проблем, создаваемым контекстом глобализации, оказывается и проблема публичной сферы, границы которой, а в некоторых случаях и само существование социально-культурного феномена ставятся под вопрос. В статье предлагается анализ современных философских исследований, направленных на осмысление процессов, происходящих в области социальной коммуникации и в публичной сфере связи с процессами глобализации, и выделяются различные методологические подходы, среди которых как наиболее значимые представлены нормативный, сетевой и институциональный. Утверждается, что обращение к философской метафоре в анализе феномена публичности, выходящего за границы национального государства, расширяет возможности гносеологического инструментария в сложных обществах, где многомерность пронзает всю сеть социальных отношений и может найти свое выражение в сложной коннотативной структуре словесного образа. Информационная глобализация выступает одним из факторов, воздействующих на трансформацию социальной коммуникации, на изменение облика социальных и политических институтов, господствующих в обществе систем ценностей, приоритетов, традиций. В связи с революционными трансформациями, какие приносит в процессы социального развития глобализация, возникла необходимость рефлексии публичной сферы для осмысления адаптационных ответов общества на вызовы информационной революции.

Для цитирования в научных исследованиях

Семенов Е.Е. Транснациональная публичная сфера: эффекты глобализации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 166-173.

Ключевые слова

Глобализация, информационная глобализация, публичная сфера, публичность, транснациональная публичность, сетевое общество, идентичность.

Введение

Эффекты взрывных изменений в сфере социальных коммуникаций, которые являются результатом развития глобализационных процессов, представляют сегодня новую предметную область для социогуманитарных, в том числе социально-философских исследований, поскольку затрагивают природу, как социального организма, так и индивидуальный жизненный мир. На наш взгляд, этот процесс нельзя оценить однозначно, и уже можно говорить, как о позитивных следствиях, так и о тревожных тенденциях, складывающихся под воздействием информационной глобализации. Радикальные преобразования в технологической составляющей коммуникативного процесса, все более широкое использование инновационных технологий стали тем фактором, который определил существенную трансформацию публичной сферы, изменение ее контуров и актуализировал поиск новых подходов к осмыслению изменяющегося феномена.

Современная философская рефлексия проблем публичности и публичной сферы вытекает из интереса классической философии к вопросам гражданского устройства, гражданского общества. В современную эпоху, связанную с процессами глобализации, в философских размышлениях снова звучит кантовский призыв к достижению всеобщего правового гражданского общества, что великий мыслитель считал величайшей проблемой для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа.

Информационная глобализация представляет собой один из видов глобализационных процессов, двигателем которого выступает процесс стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий, порождающий трансформацию пространственной организации социальных связей, отношений и взаимодействий на основе сетевых структур активности и потокового перемещения информации – знаков, символов, образов. «Говорить о современном мировом порядке как о сложном противоречивом и взаимосвязанном, – замечают исследователи, – значит признать “хаотический вид”, который является определяющей чертой глобальной политики на рубеже тысячелетий» [Хелд, 2004, 101]. Это прогностическое утверждение находит себе оправдание в современном мире, где экспоненциальный характер увеличения информационных потоков, их интенсивность и слабая управляемость создают эффект современного хаоса.

Публичная сфера глобального мира: терминологические рамки

Понятие «публичная сфера» входит в философский и гуманитарный дискурс во второй половине XX века и имеет свою сложившуюся традицию и терминологическую базу. «Транснациональная публичная сфера» – понятие, которое обозначает публичную сферу, возникшую за границами национального государства, что обусловлено влиянием процессов глобализации в целом, в том числе информационной глобализации. В то же время следует отметить отсутствие фиксированного содержания термина, эксплицирующего содержание понятия, и достаточно большие терминологические различия в анализе феномена публичной сферы, который развивается в глобализирующемся мире и выходит за национальные границы. Его интенциональный ряд неустойчив и продолжает умножаться: «транснациональная», «всемирная», «трансграничная», «глобальная», что свидетельствует прежде всего о множественных трансформациях, происходящих с дефинируемым объектом, перманентно изменяющим свои контуры. Тем не менее, можно говорить, что проблематизируется новое

состояние публичной сферы как символического пространства, где меняются действующие силы, субъекты влияния, и те действия, которые они могут производить. Национальные границы разомкнулись, появились иные способы взаимодействия социальных групп, власти и общества, кроме того, в этот круг включились новые и по характеру своих действий весьма агрессивные политические субъекты. В конфигурацию глобального политического пространства входит и новая европейская среда, в которой возрождается концепция Европейского союза как *civilian power*. Неформальные институты все чаще трактуются в исследовательской литературе как проявление «естественной», «имманентной», «добровольной» солидарности, выступающей важным источником социальной интеграции. Особенности социальной организации «неформальных» институтов, основанные на доверии, нормах, новых структурах, рассматриваются как символический капитал, рождающий тягу к сотрудничеству, к коллективной солидарности.

Особенности социальной организации общества и публичной сферы в глобальном мире получают свою рефлексию в современных зарубежных [Hepp, 2004; Peters B., 2007; Lagaay, Lauer, 2004] и отечественных исследованиях [Давыдов, 2016, www; Казаков М.Ю., Кутырев В.А., 2013, www; Назарчук А.В., 2014], авторы которых делают попытку увидеть характерные черты новой конфигурации публичной сферы.

Транснациональная публичная сфера: методологические подходы

Проблематизация транснациональной публичной сферы нашла свою философскую разработку в традициях различных подходов: нормативный (Ю. Хабермас), институциональный (Д. Кин), сетевой (М. Кастельс).

Следуя Хабермасу, отправным пунктом в появлении всемирной публичной сферы стала вьетнамская война как первое событие глобального масштаба, в освещении которого массмедиа «выкристаллизовывалась своего рода точечная всемирная публичная сфера» [Хабермас, 20102, 153]. Кристаллизация как фазовый переход из одного состояния вещества в другое, из одного состояния социального пространства в другое, переход, имеющий, безусловно, символический характер. Проблема национальной и транснациональной публичности в немецких социогуманитарных исследованиях разрабатывается в различных аспектах, из которых интересны возникающие связи с концепцией Хабермаса: от признания возможности трансъевропейской общественности до утверждения, что ее не существует, Эта тема – одна из актуальных в дискуссиях о новом характере публичности – как и у Хабермаса, импульс ее становлению дает институт массмедиа, который осуществляет публичное наблюдение над процессом общеевропейского управления и является в этом посредником между осуществляемой политикой и гражданами Европы. Благодаря этому может возникнуть общеевропейская публичность и делиберативное формирование воли внутри общеевропейской коммуникативной связи, «если в коммуницирующих между собой публичных сферах может происходить дискурсивный обмен аргументами и мнениями поверх национальных границ» [Цит. по: Хабермас, 20102, 88]. Общеевропейская публичность может возникнуть лишь благодаря тому, что национальные публичности откроются друг для друга. Эта ступень, по мнению Хабермаса, способствует осознанию европейской общности, и в этом случае должны выступить новые действующие лица: группы по интересам и партии, организованные на европейском уровне, а также другие формирующие общественное мнение и в то же время известные по всей Европе организации, адвокаты, интеллектуалы [Хабермас,

2012. 88]. Несмотря на то, что действующие лица должны получить общеевропейский статус, решение состоит не в построении сверхнациональной публичности, но в транснационализации существующих национальных публичных сфер, открытых друг для друга. Нормативная теория, продолжающая развивать идеи делиберативности, предлагает при этом две метафоры в видении нормативной транснациональной сферы: «песочный торт в виде башни» (сверхнациональной публичности) и «качественная пресса в роли следопыта» на транснациональном пути для очередного расширения «емкости» национальных публичных сфер [Хабермас, 20102, 155].

Образы как посредники между властью и обществом возникают и в интерпретации публичной сферы американским социологом М. Кастельсом, и в этом случае публичная сфера становится спорной территорией, куда вбрасываются необходимые власти образы, и где происходит или не происходит борьба за их оспаривание, которая ввергает общество в водоворот бесконечного культурного воспроизводства. Концепция публичной сферы в мире глобальных коммуникаций развивается в контексте сетевого подхода: мультимодальные коммуникационные сети формируют в совокупности публичное пространство сетевого общества [Кастельс, 2016, 335]. Кастельс выделяет одно из противоречий глобализации, проявляющееся в сетевом обществе: двойной характер социальных процессов – движение всеобщности и обособления, что опровергает прогноз возникновения однородной глобальной культуры в качестве магистрального общего тренда. Сетевое общество демонстрирует культурное разнообразие, скорее фрагментацию, чем сближение, вводя в канву аргументации еще одно ключевое понятие из ряда «противящихся» порядку глобализации – «идентичность». В дискурсивной концепции Хабермаса люди со сформированной самоидентичностью – словно узлы в приписываемой им сети культур и традиций, но при этом равноправное сосуществование различных этнических общностей, языковых групп, конфессий и жизненных форм не должно покупаться ценой фрагментированности общества» [Хабермас, 2008, 254-255]. В отличие от хабермасовского стремления найти дискурсивную платформу для сближения общеевропейской общности и национальной публичности на началах нормативного согласия, в «сетевой» концепции акцентируется борьба «пространства мест», основанного на историческом и культурном опыте и «пространства потоков», движимого логикой инструментальности. Кастельс выявляет социальный драматизм и политическую конфликтность этой борьбы, замечая, что поскольку пространство потоков не исчезает, а является одной из координат сетевого общества, его логика может быть трансформирована. Это не единственное противоречие, с которым сталкивается сетевое государство, в этом ряду и значимые проблемы координации в организационном, техническом и политическом аспектах. Тем не менее Кастельс, полагает, что главной проблемой является геополитическая, в результате нерешенности которой нельзя перейти к системе конституционно обоснованного сетевого глобального правления. В этом отношении одним из субъектов в решении проблемы он видит, как и Хабермас, институт массмедиа, которому наряду с коммуникационными сетями принадлежит главная власть в глобальном гражданском обществе, которая «могла бы преодолеть историческую инерцию национальных государств и вынудить эти национальные государства согласиться с реальной ограниченностью их власти в обмен на возрастание их легитимности и эффективности» [Кастельс, 2016, 60].

Сложные отношения, на взгляд исследователя, которыми характеризуется процесс коммуникации, приводятся в действие организациями и сетями, представляющими поля власти в сетевом обществе. Возникает новый феномен - «сетесозидающая власть» как высшая власть в

сетевом обществе, еще одна метафора в анализе развивающихся процессов в глобальном мире, призванная объяснить новые признаки публичной сферы. Кастельс выделяет один из ведущих признаков этой власти – возможность порождать, распространять и влиять на дискурсы, которые фреймируют человеческую деятельность, что является основой, организующей общественную коммуникацию. Эта возможность – поле борьбы политической власти и публичной сферы, общества: без дискурсивной возможности программирование конкретных сетей неустойчиво и зависит только от власти акторов, закрепленной в институтах [Кастельс, 2016, 71]. Здесь нормативная дискурсивная концепция и концепция сетевого общества находят общую почву: дискурсы формируют общественное мнение, вместе с тем предлагаемые технологии различны – у Кастельса – развитие коммуникационных сетей, у Хабермаса – расширение «емкости» национальных публичных сфер. В отличие от Хабермаса, взывающего к классическим функциям нормативных моделей массмедиа, Кастельс видит возможности возникновения потенциальной синергии между подъемом массовой самокоммуникации и автономной возможностью гражданских обществ по всему миру формировать процесс социальных изменений [Кастельс, 2016, 336].

В проблемном поле исследования феномена новой публичной сферы в глобализирующемся обществе английский социолог Д. Кин видит корреляцию двух понятий «трансграничная публика» и «мониторная демократия». В его подходе трансграничная публика наделяется институциональным статусом инновационных структур, которые выполняют функции контроля за властью.

В его концепции трансграничная публика вписана в комплекс мониторинг демократии, контролирующей власть и стремящийся наделить политическими правами гораздо большее число граждан [Кин, 2015, 112]. Кин отмечает ключевую роль, которую гражданское общество играет в изобретении механизмов мониторинга власти и проводит аналогию с «законом свободного правления» Д. Мэдисона, согласно которому ни одно правительство не может считаться свободным, если оно не способно управлять обществом, которое само способно контролировать правительство. В этом контексте Кин делает вывод о том, что в эпоху мониторинг демократии правительства ради своей собственной эффективности и результативности, а также во благо собственных граждан порой склоняются к тому, чтобы представить свои полномочия на суд независимого общественного контроля.

Кин также видит основное противоречие современной эпохи между «локальным» и «глобальным», предлагая для решения институциональные аргументы: институты мониторинг демократии стирают эту границу, поскольку изменяется политическая демократия демократических институтов. Происходит разрыв с общепринятым мышлением, институты, надзирающие за властью, более не ограничены территориальным государством, являются частью более широкой констелляции механизмов контроля и критики власти [Кин, 2015, 114-115]. Кин дает понимание глобальной публики, которую формируют медиа посредством глобальных новостей, поворотных медиасобытий, когда «миллионы пробуют на вкус радость публичного действия вместе с другими и против других – за определенную общую цель [Кин, 2015, 97]. Такие медиасобытия приобретают ритуальный характер, что немецкий исследователь глобальных медиа А. Хепп сравнил с интегрирующей электрификацией, охватывающей публику [Хепп, 433]. Вместе с тем глобальная публика оказывает «субполитическое влияние», поскольку содействует созданию граждан нового глобального порядка, но она легко распадается; для обретения устойчивости ей нужна институциональная поддержка со стороны политической организации, которая бы признавала ее требования и действовала в соответствии

с ними. В размышлениях Кина о глобальном мире и влиянии информационной революции на социальные процессы и публичную сферу тесно связаны две метафоры – «общество коммуникационного изобилия» и время «декаданса медиа». Из них первая показывает горизонт возможностей, а вторая – ограничений и умолчания, но обе они отражают риски, основанные на новой конфигурации общественной коммуникации, складывающейся в глобальном мире.

Заключение

Информационная глобализация выступает одним из факторов, воздействующих на трансформацию социальной коммуникации, на изменение облика социальных и политических институтов, господствующих в обществе систем ценностей, приоритетов, традиций. В связи с революционными трансформациями, какие приносит в процессы социального развития глобализация, возникла необходимость рефлексии публичной сферы для осмысления адаптационных ответов общества на вызовы информационной революции.

В современных философских исследованиях, направленных на осмысление процессов, происходящих в области социальной коммуникации и в публичной сфере связи с процессами глобализации, можно выделить различные методологические подходы, среди которых мы остановились на нормативном, сетевом и институциональном.

Вместе с тем в ходе анализа была выявлена сильная и открытая метафоричность, на которой строятся философские концепции публичной сферы. Современные философы снова демонстрируют гносеологический потенциал метафоры, которая служила от античных времен для объяснения вечных проблем взаимоотношения человека и мира. Создается впечатление, что мы снова стоим у черты, когда необходим прорыв за горизонт наших возможностей в понимании общественных бурь и катастроф, и это движение не может обеспечить лишь строгая логика рационального мышления. Метафоризация включается в гносеологический инструментарий и призывает на помощь образ. Можно предположить, что грядущие изменения публичной сферы еще оживят старые дискуссии и породят новые, расширяя теоретические границы в исследовании феномена.

Библиография

1. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195-198.
2. Давыдов О.Б. Сетевое общество и его бытие // Современные исследования социальных проблем. 2013. №11 (31). С. 4.
3. Казаков М.Ю., Кутырев В.А. Интернет как сетевая публичная сфера // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 29.
4. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
5. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М.: ГУ ВШЭ, 2015. 312 с.
6. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56-66.
7. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. 160 с.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
9. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика. Культура. М.: Праксис, 2004. 576 с.
10. Hepp A. Netzwerke der Medien. Medienkulturen und Globalisierung. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. 498 S.
11. Lagaay A., Lauer D. Medientheorien. Frankfurt am Main/New York: Campus Verlag GmbH, 2004. 324 S.
12. Peters V. Nationale und transnationale Öffentlichkeit // Der Sinn von Öffentlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. S. 283-297.

Transnational public sphere: globalization effects

Evgenii E. Semenov

PhD in Politics, Associate Professor,
Department of philosophy, sociology and theory of social communication,
Nizhny Novgorod State Linguistic University,
603155, 31a Minina st., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: k762@ mail.ru

Abstract

The global dimension of the new world essentially modifies all types of political and civic activity, the structure of social interaction, the daily life of people. In the circle of debated socio-philosophical problems created by the context of globalization, there is also the problem of the public sphere, the boundaries of which, and in some cases the very existence of the socio-cultural phenomenon, are called into question. The article suggests the analysis of modern philosophical studies aimed at understanding the processes taking place in the field of social communication and in the public sphere of communication with the processes of globalization, and different methodological approaches are highlighted, among which the normative, networked and institutional are the most significant ones. It is asserted that an appeal to a philosophical metaphor in the analysis of the phenomenon of publicity that transcends the borders of a nation state expands the possibilities of gnoseological tools in complex societies where multidimensionality pierces the whole network of social relations and can find its expression in the complex connotative structure of the verbal image. Information globalization is one of the factors affecting the transformation of social communication, the changing appearance of social and political institutions dominating in society values, priorities, traditions. In connection with the revolutionary transformations, which bring globalization to the processes of social development, it became necessary to reflect the public sphere in order to comprehend the society's adaptive responses to the challenges of the information revolution.

For citation

Semenov E.E. (2017) Transnatsional'naya publichnaya sfera: efekty globalizatsii [Transnational public sphere: globalization effects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (6A), pp. 166-173.

Keywords

Globalization, informational globalization, public sphere, publicity, transnational publicity, network society, identity.

References

1. Davydov O.B. (2013) Setevoe obshchestvo i ego bytie [Network society and its being]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems], 11 (31), p. 4.
2. Golovin Yu.A., Frolov A.A. (2016) Praktiki setevoi grazhdanskoi aktivnosti v sovremennoi Rossii [Practices of networked civil activity in modern Russia]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and municipal management. Scientific notes SKAGS], 2, pp. 195-198.

3. Habermas U. (2012) *Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskoe sochineniya, XI* [Ah, Europe. Small political works, XI]. Moscow: Ves' mir Publ.
4. Habermas U. (2008) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii* [Involving another. Essays on political theory]. St. Petersburg: Nauka Publ.
5. Hepp A. (2004) *Netzwerke der Medien. Medienkulturen und Globalisierung*. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften.
6. Kastel's M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [The power of communication]. Moscow: Higher School of Economics.
7. Kazakov M.Yu., Kutyrev V.A. (2013) Internet kak setevaya publichnaya sfera [Internet as a network public sphere]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. [Modern problems of science and education], 3, p. 29.
8. Kheld D. et al. (2004) *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika. Kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics. Culture]. Moscow: Praxis Publ.
9. Kin D. (2015) *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and the Decadence of Media]. Moscow.
10. Lagaay A., Lauer D. (2004) *Medientheorien*. Frankfurt am Main/New York: Campus Verlag GmbH.
11. Nazarchuk A.V. (2012) Sotsial'noe vremya i sotsial'noe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva [Social time and social space in the concept of a network society]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 9, pp. 56-66.
12. Peters B. (2007) Nationale und transnationale Öffentlichkeit. In: *Der Sinn von Öffentlichkeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.